

Александр Етоев

ЭКСПЕРТ
ПО ВДОХАМ И ВЫДОХАМ

Александр Етоев

**Пришельцы с
несчастливыми именами**

«Автор»

1998

Етоев А. В.

Пришельцы с несчастливыми именами / А. В. Етоев — «Автор»,
1998

© Етоев А. В., 1998

© Автор, 1998

Содержание

1. Курилка и жопа – это с одной стороны, с другой – я с Валентином Павловичем	6
2. Снег в августе. Почти фолкнер	8
3. Фашист в лестничном свете и яд, который пригорает на кухне	10
4. Летящая платформа	12
5. Тайна пятой бутылки	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Пришельцы с несчастливыми номерами

В.Стайеру, США, Сан-Франциско

1. Курилка и жопа – это с одной стороны, с другой – я с Валентином Павловичем

Курилка стоял на углу возле бывшей бабаевской булочной и прожигал папиросой воздух. Уже от татарского дома в нос ударял ее дрянной запашок, словно был в бычке не табак, была в бычке нестиранная стройбатовская портянка. Я задержал дыхание, накинул на нос платок, в нем еще жили запахи парикмахерского одеколona. Раз, сосчитал я Курилку.

Напротив булочной у зарешеченного окна ателье стоял его антипод, человек положительный, некурящий, стоял крепко, напоказ оттопырив задницу и блестя скошенным глазом. Вообще-то он делал вид, что интересуется женской модой: манекен за стеклом, хотя и принадлежал к универсальному полу, обряжен был исключительно в женское, – но этот блестящий глаз, но эта жопа навывкате... Я назвал его Жопой.

Курилка и Жопа. Двое. Чет. Возможно, где-то рядышком еще двое – Бежевый и Холодный. Четверо. Чет. И я, один, идущий навстречу. Нечет.

Четников следовало бояться. В Галактической Службе Четности они играли роль малую, это по меркам обывателя из пространства с $n > 3$, по меркам же обывателя, всю жизнь попивавшего свой чаек в коммунальной ленинградской квартире, четник был силой грозной, куда страшнее, чем милиционер или брат его меньшей – уголовник.

Миновать перекресток не получалось. Проходные дворы остались все позади, Шлемовский переулок второй год как перегорожен работами – итак, пятьдесят метров. Улица, как нарочно, пуста. Если б вывалился из парадной заваливший какой жилец, все было бы просто. Я бы к этому жильцу присоседился, к примеру, попросил закурить, и так, прикуривая без спешки, прошаркал от топтунов мимо. С проходим мы как-никак пара, а где пара, там чет, и можно идти и не рыпаться – закон парности соблюден.

Правда, на мостовой впереди под красной тряпкой предупреждения чернела скважина люка – чтобы мостовая дышала.

Я этот люк знаю. С канализацией он связан частично. Метрах в трех от поверхности, если ползти по боковому отводу, имеется лаз в бункер бомбоубежища. Так что, если уж совсем подопрет, придется вспомнить то золотое время, когда мальчик по имени Сашка, теперешний Александр Федорович, перечитывал «Победителей недр».

Эх, пярники, пярники! Что же мне теперь из-за вас последние брюки драть?

Пярники – загадка природы. Материализуются они из чего – неясно. Я думаю, на ближайшей помойке пустует один из бачков, как раз на объем такой фигуры, как, например, Жопа. Или Курилка, или любой другой. Сначала я все удивлялся, почему они со мной церемонятся, почему не шарахнут плазмой или, на худой конец, не спарят с какой-нибудь стервой поядовицей. Знают же, гады, что до стерв я больно охоч. Но не спаривали, не шарахали. И жупел в человечьем обличьи по имени Александр Федорович Галиматов жил и недоумевал, почто ему такое почтение. Потом-то он разузнал, и открытие оказалось обидным: сам Галиматов ни при чем, сам Галиматов лишь малая песечка, свистулька на озерную птицу, которую подманивают охотнички аж с самой туманности Андромеды.

С мая месяца эти мусорные ребята, всегда разные и всегда одинаковые, торчали у меня на дороге, шагу не давая ступить. Закон четности, будь он неладен! Лишь только земные власти вступили в Галактическое Содружество и подписали ту долбаную Конвенцию, все шишки посыпались на одиночек вроде меня, и то не на всех – на избранных. Ходят же счастливые люди в обнимку с собственной тенью! Ходят, и ничего. Ан нет, есть еще какие-то особые астральные знаки, указывающие на такого-то и такого-то. Мол, за этими глаз особенный, они человеки меченые. А я меченый втрое.

Я миновал люк и, двигаясь со скоростью трупa, как раз поравнялся с парадной старинного татарского дома. В доме когда-то проживал татарин Коробкин, звали татарина Абдула и занимался татарин извозом. Во дворе, в дощатом сарае (теперь на этом месте гараж) он держал конюшню на двух ослов, тогда они назывались осликами. Вот по этому единственному татарину, пришедшемуся на тысячу прочего коммунального населения, дом и прозвали татарским.

– Галиматов, – услышал я из-за двери приглушенный шаляпинский бас. – Приготовься, я открываю.

Я приготовился и резко прыгнул на голос. Мохнатые руки схватили меня в охапку, втянули в дверное чрево, стали мять и крутить, а борода колотить и слюнявить.

– Плохо дело, Санек? А что, если я их лбами?

Мамонт в человеческой одежде, прикрывший бородищей клыки, наконец меня отпустил. Запах благородного табачка, и пузо – богатырское пузо, выпирающее из-под норвежского свитера, и лохмы, схваченные на затылке резинкой, про бас я уже сказал. А про татуировку, что гордо синела на кулаке, и говорить нечего – такое надо читать.

– Уф! – Я ткнул пятерней в потертые норвежские елки. – Тебе, Валентин Павлович, только бы кого-нибудь лбами. У тебя, гражданин Очеретич, одно душегубство на уме. За это я тебя и люблю. Здравствуй!

Валентин Павлович Очеретич осветил парадную своей стоваттной улыбкой и кротко, по-ягнячьи, сказал:

– Я вообще-то, Санек, за папиросами вышел, да какие уж теперь папиросы. Теперь без полбанки не обойдешься. Пойдем ко мне водку пить. А эти – пусть только сунутся.

2. Снег в августе. Почти фолкнер

Валькину коммуналку я когда-то знал, как свою. У порога – окаменевшая тряпка, помнящая еще жандармские сапоги старых досоветских времен. Говорят, что до революции квартира принадлежала одному жандармскому офицеру, которого отравила невеста, тайный большевистский агент. Ее тоже потом уморили – кажется, в тридцать шестом.

Слева от входа – вешалка. Когда-то давно на ней спяну повесился Валькин сосед дядя Гриша. Дядю Гришу после долго жалели, он был человек добрый и по праздникам играл на гармонии.

Первая дверь от порога – Валькина, Валентина Павловича Очеретича, старинного моего приятеля, а теперь еще и спасителя.

Девичья короткая память – мое фамильное достояние – опять меня подвела. Скверная штука, когда идешь по знакомой улице мимо знакомого дома и забываешь, что лет тридцать назад в окошке на втором этаже между горшками с геранями всегда блестела очками родная Валькина рожа. Был он в те годы хоть и старше нас, но болезненный, потому и торчал в окне, завидуя нам, уличному хулиганью. И вдруг оказывается – Валентин Павлович жив, здоров, проживает там же, носит норвежский свитер, и в минуты жизни роковые спасает опальных друзей, у которых девичья память.

Мы сидели в тесной Валькиной комнате: я – на положенном на пол валике от несуществующей оттоманки, Валька – на собственной заднице, подложив под нее три тома соловьевской «Истории». Стакан у нас был один, зато бутылок – четыре. Закусывали горчицей, забродившим черничным вареньем, воспоминаниями и легкими тычками в плечо.

– Серебрович? Серебрович сидит. Крепко сел, по шести статьям сразу.

– А дядя Витя? Клепиков дядя Витя? Как он, жив, едреная кочерыжка?

– Нет, Санек, дяди Вити. Замерз дядя Витя, Санек. Десять зим, как замерз. Прямо у нас в парадной, на батарее центрального отопления.

– Надо помянуть старика. Помнишь, как он участкового с подоконника сбросил? Веселый был человек, жаль, что замерз. А все-таки, Валя, как ни кинь, а славная была у тебя коммуналка. Не вонючая, не то, что моя.

– Сплыла, Саня, сплыла. Весь прежний народ, кто сидит, кто помер. Мусор остался. Повитиков один чего стоит, елдон-батон. А что, Шура? Давай, мы с тобой в Америку улетим на воздушном шаре? Положим на всех с прибором и улетим. Алюминий у меня есть. Почти тонна. Кислота есть. Сошьем мешок, надуем его водородом. Под Выборгом я знаю одну полянку. Выберем день поветренной...

– Валя, что-то на кухне горит.

– Пусть. Видишь под телевизором пачки? Это метеорологические таблицы, полный комплект с 1860 года. Я их четыре месяца из библиотеки таскал.

– Точно горит.

Он отмахнулся мохнатой лапищей, похожей на дворницкую рукавицу.

– Горит, горит... У нас еще две бутылки не начаты. Саша, я за тридцать пять лет, что живу при социализме, совсем обрусел. Пока штаны тлеть не станут, с места не поднимусь.

И все-таки Валя поднялся. Допил стакан, вылизал его языком и поднялся. Пока он сидел, на фоне шкафа, перегородившего комнату поперек, его слоновья фигура еще как-то вписывалась в кубатуру.

Но стоило Вале подняться, как вертикали сжались, объемы выдохнули, сколько могли, предметы сложились, съжились, чтобы, не дай Бог, не очутиться на пути великана.

Валя перешагнул через лежащую на полу байдарку, откатил ногой самодельную штангу с чугунными чушками вместо кругов, сдвинул щелчком трансформатор и оказался у двери.

– Если это Повитиков, пойду подолью в огонь керосина, чтобы лучше горело.

Дверь за Валею закрылась, и мне сразу стало его нехватать. С полминуты в коридоре ничего не происходило. Потом послышался гром, но на пушечный выстрел было не похоже. Потом вошел Валя, живой, в руке зажимая обрывок какой-то тряпки. Я пригляделся. Это была не тряпка, а галстук – черный, в белый горошек, по преданиям такой любил носить Владимир Ильич.

Я кивнул на трофей.

– Все, что осталось от трупа?

Валя как-то задумчиво посмотрел на галстук и забросил его за шкаф. Лицо у него было странно скучным.

– Саша, – сказал он тихо. – Ты во сколько ко мне пришел?

– В два. – Я хотел ответить нормально, но получилось шепотом.

Валя грустно кивнул и показал на зашторенное окно.

– На дворе-то ночь.

Я не поверил и пощелкал сперва по горлу, потом по бутылочному стеклу.

– И снег, – совсем грустно добавил Валя.

Я понял, что он не шутит. Что-то большое и угловатое зашевелилось внутри, больно задевая за тесную оболочку тела.

«Пожаловала», – подумал я про себя, а вслух произнес другое.

– Валь, – сказал я виновато. – Это из-за меня. Я уж пойду.

– Куда ты пойдешь? Там же эти... Нетушки, оставайся. И водка еще не допита.

– Может, ушли? – сказал я, чтобы не показать, что трушу.

«Ночь, снег... Видно, всерьез за меня взялась Галактическая охранка, раз устраивает локальную деформацию».

– Может, и ушли. Только одного я сейчас с лестницы спустил.

– Кого, Валя?

– Ну, еще одного. Третьего.

– Какого третьего? Их же там было двое.

– Какого, какого... Да такого, в черном пальто, с портфелем. Да пес с ним, Санек. Спустил и спустил. Спустил и правильно сделал. Больше не сунется. А сунется...

В прихожей робко-робко пролепетал звонок. Вообще-то, когда не надо, он грохочет почище тракторного мотора. А сейчас почему-то сробел.

– Сунулся, – грозно сказал Валюша, и не успел я и слова молвить, как Валентин Павлович Очеретич, вывалившись мешком в переднюю, уже отщелкивал французский замок и заносил для удара руку.

Чтоб не допустить напрасного душегубства, я просунулся между Валею и дверным косяком и занял упреждающую позицию.

3. Фашист в лестничном свете и яд, который пригорает на кухне

На пороге в оплывающих хлопьях снега стоял самый обыкновенный фашист и целился в нас из автомата. Автомат был большой, немецкий, с влажным вороненым стволом, от которого пахло собачиной.

Первым делом я поднял высоко руки и сказал увядшим, чуть слышным голосом то единственное, что знал по-немецки: Гитлер капут. Я понимал, что фраза звучит странновато, неизвестно, из какого времени вытасчен этот овеществленный призрак – из 43 года или из 45-го. Германия на его памяти еще громко пердит или уже слабенько пукает. Но сказал и сказал, сказанного не воротишь.

Я слышал, как дышит мне в щеку Валька. Хрипло и зло – от водки и закипающей ярости. Валину бабуку по матери сгноили в немецком лагере. Отца, Пауля Очеретича, убили в 45-м под Веной. Сам Валька в то время сидел в материнской утробе. Матери повезло, да не очень – за связь с иностранным подданным в России по головке не гладили. И ей досталось от свастики, но уже нашей, пятиконечной. Так что у Валентина Павловича имелось полное моральное право наливать священной злобой и дать этой злобе выход.

Я молчал. Валя дышал. Ствол автомата покачивался.

В лестничной полутьме, при свете загаженной лампочки лицо у фашиста было тусклым, подмерзшим, тройка верхних зубов сдавливала прикушенную губу. Казалось, вот-вот он заплачет. Стоял фашист в широкой немецкой шинели, шинель была старая, ношенная, из коротких вытертых рукавов вылезали красные руки. На кулаке правой отчетливо белела костяшка. Она лежала на спусковом крючке и сама словно светилась, как будто лесную гнилушку обернули прозрачным пергаментом.

«Валя, Валя... Свалился я на твою голову. А теперь уже ничего не поделаешь, под одним дулом стоим».

Валькин праведный гнев понемногу передавался и мне. Я стоял, стоял и вдруг не выдержал и зло подмигнул фашисту. Тот попятился, каблуком нащупал ступеньку и направил автомат на меня.

– Галиматов! Платформа, где она, Галиматов? – спросил он на чистом русском с правильно поставленными ударениями. – Говори, не то пристрелю!

– Где-где, вот же она, не видишь?

И надо же, осел с автоматом поверил. Он повернулся туда, куда я показывал пальцем – в окно, за его плечо. Этого было достаточно. Валя сгреб его, как тюфяк, только косточки всхлипнули. Я вырвал из рук врага автомат, автомат был совсем не тяжелым, наоборот, подозрительно легким, словно крашенная под металл деревяшка. Он и был деревяшкой, которой берут на испуг таких, как мы, простаков.

– Куда его? – спросил я у Валентина Павловича, переламывая автомат об колено.

– Туда, откуда пришел, – в болото.

Валентин Павлович, не выпуская гада из рук, уже примеривал 45-й размер подошвы к его зашинеленной заднице. Фашисту еще повезло – Валя ударил левой. Если бы Валентин Павлович то же самое сделал правой, неизвестно, смог бы когда-нибудь этот болван использовать вышеназванный орган по назначению. Лично я сомневаюсь.

Когда Валькина резиновая подошва в очередной раз выбила из шинели пыль, фашист не выдержал, напустил вони и подал голос в свою защиту:

– Не имеете права, не в Америке живем. Групповое разбойное нападение – статья Уголовного кодекса: до пятнадцати лет.

– Слушай, ты, прокурор. Это из-за тебя на улице снег? Ты своей вонючей шинелью солнце сожрал? А дружки на углу у булочной – не твои дружки? А тот, что до тебя приходил, он что, твой фюрер, елдон-батон? И что это за платформа, из-за которой ты хотел в моего Сашку стрелять, подлюга?

И тут из-за наших спин раздался простуженный детский голос:

– Дядь Валь, я этого группенфюрера знаю. Он на мамкиной фабрике на конвейере стоит контролером. Пистонов его фамилия. Мамка говорит, что он ее заколебал, клеивши.

Мы обернулись. Из прихожей выглядывал щуплый мокроносый парнишка в серой школьной одежде и тапках на босу ногу.

– Васище, – Валька, не отпускай фашиста, хмуро кивнул пареньку, – а он что, за твоей мамкой так в фашистской шинели и ходит?

Васище собрался ответить, но вдруг с хлюпаньем потянул носом и сказал:

– Пойду. Там у меня на кухне в кастрюле яд пригорает. Надо следить.

4. Летающая платформа

В темноте под ногами шелестела сухая осока. Болото выгорело от зноя, и коричневые высохшие лягушки, безумно закатывая глаза, просили у прохожего пить. Лягушек я выдумал для полноты картины. И болотца-то, может быть, никакого не было – был лес, лес был сухой, это я помню точно. Когда я переходил канаву, нога вместо воды зачерпнула ботинком песок. Я сидел на мшистом бугре и высыпал песок на ладонь. И смотрел, как в призрачном свете вспыхивают алмазные грани. Когда я поднял голову вверх, чтобы увидеть небо...

– Понимаешь, это была платформа. Самая обыкновенная. Длинные бетонные плиты, вмятины от каблучков. На торцах ржавые прутья арматуры, ступени, чтобы взбираться. Я подумал, что вышел к станции. Но какая там к черту станция, когда кругом лес – ни рельс, ни просеки, ничего. И платформа-то не стоит, как положено, врытая в землю. А висит. То есть просто лежит на воздухе, как протянутая ладонь, только вместо руки с рукавом пустое темное небо. Звезды еще не вышли...

Я рассказывал Вале, а он, пригорюнившись, слушал.

Фашист Пистонов давно отгрохотал на ступеньках, и мокрый след от него протянулся до самого низа. Мы слышали, как хлопнула дверь и пахнуло уличным холодом. Васище ушел помешивать яд, чтобы не попало от мамки. Крысы – умный народ, и ежели яд с пригаром, жрать они такой яд – сдохнут, а ни за что не станут. И мамка надерет уши.

Валя слушал, не слыша, и ногтем соскребал золото с далевского словаря.

– Песок, – он кивал бородой, – а звезды еще не вышли.

Звезд не было.

До пригородной станции Большево, я знал, два километра. Я и шел, собственно говоря, туда, к этой маленькой станции, спасаясь от одной назойливой дачницы, стонущей под игом супружества и состоящей членом садоводческого товарищества «Ноктюрн». Супруг ее отбывал срок в Крыму.

Я как раз срезал кусок леса, чтобы успеть к полуночной электричке. Но лес оказался хитрее. Он запутал тропинки, навыворачивал елок, и черные, тяжелые от налипшей земли коренья, выпуская из темноты клешни, нависали вдруг ниоткуда, как неуклюжие призраки, репетирующие гоголевские «Вечера».

Я не боялся леса и призраков отгонял тонким осиновым хлыстиком, который обломал по дороге.

Но неподвижно висящее сооружение – осязаемое, хлыст его не рассек – заставило бы струхнуть и мумию.

Мне бы тогда уйти, зарыться в хвойную чащу, а я застыл в столбняке – в левой руке песок, в правой снятый ботинок.

Тут и появились Бежевый и Холодный. Меня они заметили сразу, я сидел открыто, как манекен на ВДНХ, демонстрирующий достижения обувной промышленности, с одной стороны, а с другой – продукцию песчаных карьеров.

Может быть, не обошлось без гипноза, не мог я не попытаться подняться. Но силы меня покинули, я сидел колода колодой, а эти двое уверенно приближались.

Холодный был сед, как иней, и одежда на нем серебрилась. Такое ощущение, что весь он покрылся изморозью, словно перед тем, как выпустить на поляну, с неделю его продержали в морге.

А почему Бежевый – Бежевый, честно говоря, и не помню. Должно быть, что-нибудь из одежды на нем было этого редкостного по нынешним временам цвета – подштанники, вылетающие из штанин, или платок, в который он то и дело сморкался.

Они шли вдоль канавы, один по левую, другой по правую сторону – параллельно, между ними было расстояние в размах кулака.

Странно – трава не шуршала, мелкая земляная крошка не осыпалась под подошвами вниз.

«Тренировочка», – подумалось мне тогда. Я не знал, что пришельцы – пёрники, а если бы знал, то, наверно, крепко бы призадумался. Действительно, было над чем подумать. Полуудельный пригородный лесок, время, между прочим, ночное. В смысле происхождения – пёрники, конечно, не люди. То есть не мама их родила, не семья и школа воспитывали. Но в смысле физиологии – они как бы и люди. Все, что надо, имеется, включая мужское приспособление.

Но чтобы на такого, как я, одиночку, продирающегося ночью по лесу, – и науськивать эсгепешную пару... Нет, товарищи дорогие, было в этом какое-то жуткое извращение, сверхковарство какое-то, сущий бред.

«Может, Ларискин муж тишком вернулся из Крыма и подсматривал через щель в шкафу? Ну и стуканул, насмотревшись».

С висящей над лесом платформой их появление поначалу я никак не связал. Вообще, мысль моя буксовала крепко, единственное, на что хватило мозгов, это прицелиться в Бежевого ботинком, а Холодному, когда расстояние позволит, попытаться засыпать глаза песком.

То, что они пожаловали по мою душу, в этом я не сомневался ничуть. Уж слишком осторожен был шаг, и слишком сосредоточены рожи.

Я сидел и считал метры. Десять, семь с половиной, пять. Траектория полета ботинка была высчитана с точностью ЭВМ. Песчинки щекотали ладонь.

Но моим оборонным замыслам не суждено было осуществиться.

Плоское тело платформы словно пробудилось от сна, волна воздуха окатила меня с головой – платформа пошла на снижение. И когда я, прикрывшись от удара ботинком, уже предчувствовал страшную силу, с которой железобетонный обух вгонит меня в могилу, – платформа остановилась.

Я почувствовал теплый ток и слабые электрические уколы.

Не оборачиваясь назад, я уже знал, что мыльные пузыри, наспех раскрашенные под людей, лопнули за моей спиной. Бежевый и Холодный исчезли, они были здесь не нужны.

Я и это странное существо, принявшее облик платформы, вместе и составили пару – пару, необходимую и достаточную, чтобы Службе Галактического Порядка оттяпать шакалий хвост.

Кажется, Валя заснул. Он сидел на полу неподвижно, голова его запрокинулась и была почти не видна, скрытая в облаке бороды. Я стал говорить потише.

Моя повесть подходила к концу. Я рассказал про телепатическое общение с платформой, про воздушное путешествие в город – на этом месте Валя шевельнул бородой.

– Было, – сказал он вяло. – Житие Иоанна Новгородского, раз. И два – Николай Васильевич Гоголь, «Ночь перед Рождеством».

Я пожал плечами, было так было, и стал пересказывать печальную историю андромедской жизни платформы. Ее она мне поведала, когда мы опускались на темные девяткинские поля.

Никакая она не платформа. Вообще, у себя на родине она не имеет никакой вещественной оболочки. Вроде как дух бесплотный. Нет, там не все такие. Есть правящая верхушка, которая одна во всей их Туманности узурпировала право на тело. Тела раздаются как награда особо отличившимся, и, конечно же, душонкам гнусным и черным – фискалам, прихвостням и прочим держимордам и дуракам. Что царит при раздаче – и телепатически не передать. Приличным же душам вроде нее о теле даже и помечтать опасно.

Вот с такой галактической сволочью земные правительства и заключили известный договор от 15 апреля позапрошлого года.

А почему платформа? А не ДнепроГЭС, к примеру, или не Римский Папа? Да потому, что тайно эмигрировав с родины и наугад ткнувшись в первую подвернувшуюся планету пер-

вой попавшейся звезды – лишь бы была подальше и позавалящей, – она оказалась на Земле и, пролетая над лесом, увидела это скромное и красивое сооружение. И поняла: вот ее тело. Таким оно и должно быть – длинным, серым, красивым, с решеточкой ограждения, чтобы не падал народ, со скамеечкой для усталых грибников и старушек и с белыми буквами «БОЛЫШЕВО» на сетке из металлической проволоки. А о праве на материализацию на Земле и просить не надо – захотела и стала. Она ведь тогда не знала, что андромедская хунта уже и сюда запустила свои волосатые щупальца.

Валя громко зашевелился. Борода его зазвенела серебряной фольгой седины.

– Суки! – сказал он громко. – Я же тогда еще говорил, когда они появились, – суки! Только нашим земным мудакам покажи золоченый кукиш, они маму родную продадут, не говоря о какой-нибудь черножопой Анголе. Я иногда думаю: вот прилечу я в Штаты на своем шаре, а там, как здесь, на каждом углу эти – спаренные, мать их в лоб. И такая гниль в голову лезет... Поверишь, один раз даже представил себя в петле. Бр-р-р! Язык на сторону. Мерзость! А если и там они, то на какие, спрашивается, мудря мне ихняя буржуазная демократия? Худо-бедно я и здесь как-нибудь проживу. Ты-то живешь.

Он замолчал и грустно засвистел полонез. Я подыграл мелодии каблуком.

– А вообще-то... – Он махнул рукой и посмотрел на меня виновато. – Сань, знаешь что... Я тебе не говорил. – Он помолчал, выдохнул и сказал: – От меня Наталья ушла. Насовсем. Один я теперь, понимаешь?

– Валя. – Я потянулся к недопитой бутылке. Но тут в дверь постучали.

5. Тайна пятой бутылки

– Дядя Валь, – в проеме стоял Васище и губы его дрожали. – Вы моего яда не видели? Я пока за вами к дверям ходил, кто-то весь яд спер. Почти полкастриули.

Мы с Валентином Павловичем обалдело уставились на него. Валя помотал головой.

– Честное слово, Василек, мы твоего яда не брали. У нас своего...

Он показал пальцем на бутылочный ряд и вдруг замер и побледнел.

– Сашка, – борода его стала пепельной, – мы сколько бутылок выпили?

– Две. Одну водки и одну «тридцать третьего».

– А сколько осталось?

Я посмотрел. На полу на фоне книжных исшарпанных корешков плечом к плечу, ровно-хонько, как на параде, стояли три стеклянных богатыря. Три да плюс две бутылки, что выпиты. А всего их было четыре!

В желудке у меня что-то пискнуло и заскребло. Похоже на мышшь, или мне показалось? Я тщательно, вслух, одну за одной, пересчитал две выпитые поллитровки, потом так же тщательно те, что стояли неначатые. Пробок на них не было, Валя заранее постарался.

– Так, – Валентин Павлович потрогал ладонью лоб. – Пока не холодный. Хотя...

– Васище, – он позвал соседа, – лоб у меня не холодный?

– Горячий. – Васище приложил палец.

– Василек, погоди. Мы твоего яда, конечно, не брали. Ты меня знаешь, я чужого не возьму... – Тут Валентин Павлович слегка смутился, должно быть, вспомнил про краденый алюминий. – Но...

Он осторожно большим и указательным пальцем поднял над полом одну из неначатых бутылок, медленно приблизил к лицу и ладонью свободной руки сделал несколько легких взмахов. Нос его при этом наморщился и спрятался под встопырившиеся усы.

– Не яд. – Он положил горлышко на губу и сделал приличный глоток. – Нет, в этой не яд.

Я внутренне перекрестился. У Васищи выкатились на лоб глаза. Яд оказался в последней, третьей бутылке, а по полному счету – в пятой. Который раз за сегодня гроза проносилась мимо.

– На, Васище, нашелся твой яд, получай. – Валя передал Васильку бутылку. – Считаю, тебе повезло.

– Спасибо. – Паренек хотел уходить, но Валя его остановил.

– Кстати, Василек, ты не помнишь, кто, кроме тебя, был на кухне, когда ты его варил?

Васище задумался и в задумчивости облизал у бутылки горлышко.

– Никого. Вообще-то разные заходили. Повитиков три раза бегал в уборную. Два раза по малому и раз по большому. Полинка...

Крамер пельмени жарил. Анна Васильевна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.